

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 811.161.1

П. А. Семенов

Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества, Санкт-Петербург

«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...» (РУССКОЕ ИНФИНИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ИСТОРИКО- ГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы теории инфинитивных предложений. Автор анализируются точки зрения А. Вежбицкой и З. Тарланова на семантику русских инфинитивных предложений. Особое внимание уделяется сочетанию логического и исторического методов познания лингвистического объекта, рассмотрению логики развития инфинитивных предложений в русском языке.

Ключевые слова: инфинитив, односоставное предложение, инфинитивное предложение, грамматическое значение, этнолингвистика.

P. A. Semenov

Baltic University of Foreign Languages and Inter-cultural Communication, Saint Petersburg

RUSSIAN INFINITIVE SENTENCE IN ETHNOLINGUISTIC AND HISTORICAL-GENETIC ASPECTS

Annotation: The article deals with some debatable issues of the theory of infinitive sentences in Russian. The author analyzes A. Wezhbitskaya's and Z. Tarlanov's points of view on the semantics of Russian infinitive sentences. A special attention is paid to the combination of logical and historical methods of perception of a linguistic object as well as the consideration of the logic of the development of infinitive sentences in Russian.

Keywords: infinitive, one-member sentence, infinitive sentence, grammatical meaning, ethnolinguistics.

1. Постановка вопроса. Русское односоставное предложение, в особенности предложение безличное, относится к числу ментально значимых этнически маркированных структур. Исследования русского синтаксиса в аспекте этнолингвистики приобрели в последние десятилетия особую актуальность. Из работ последнего времени на эту тему следует прежде всего назвать исследования А. Вежбицкой [1] и ее оппонента З. К. Тарланова [2; 3]. Так, в работах А.

Вежбицкой, очень популярных на Западе, русским приписывается «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» (пассивность) и «любовь к морали», затем производится наложение этих признаков на соответствующие типы синтаксических структур. Русский синтаксис, по мнению А. Вежбицкой, свидетельствует о природной склонности русских к пассивности и фатализму, морализму и антирационализму. Обосновывается это сопоставлением некоторых типов русских предложений с английскими: «Синтаксис английского языка изобилует номи-нативными и им подобными конструкциями, а дативные и сходные с ними <...> играют в нем второстепенную роль <...>. Напротив, в русском синтаксисе агентивные, личные, волитивные предложения не образуют какого-либо отдельного класса; кроме того, номинативоподобные объектные конструкции не охватывают большинства семантических полей. В то же время безличные дативные предложения занимают в русском языке доминирующее положение; более того, их роль в нем постоянно возрастает (тогда как в английском все изменения в этой области идут ровно в противоположном направлении)» [1, с. 354]. И далее: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, причём эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими, как и судьба» [1, с. 375].

З. К. Тарланов, напротив, обращает внимание на почти безграничную гибкость русского синтаксиса, позволяющую разными способами передавать одно и то же объективное содержание: Он (был) убит на войне – Его убили на войне – Его убило на войне; Я грущу – Мне грустно – Мне взгрустнулось – Я печален и т. п. Всё это свидетельствует, по мнению ученого, о большей степени «объективности» русского синтаксиса по сравнению с английским, о способности с разных точек зрения посмотреть на одну и ту же ситуацию. Поэтому «преобладающее начало в русской культурной традиции, актуализируемое и подтверждаемое типологией русского предложения, видится совсем не в том, на чем акцентирует внимание А. Вежбицкая»; эта особенность русской ментальности – «в ее масштабной, почти безграничной широте, делающей ее открытой, лояльной, адаптируемой, протестической к иноэтническим традициям, т. е. объективированной» [2, с.133].

Особое место в синтаксической системе русского языка занимает односоставное инфинитивное предложение, т.е. такое предложение, главным членом которого является независимый инфинитив, напр.: Идти дождю стрелами (Слово о полку Игореве); Нашему теляти волка пойма-ти;

Быть бычку на веревочке (пословицы); Быть тебе от невесты исправлену, еще быть тебе от тоя жены удавлену, из злата-серебра быть убитому (Повесть о Горе Злочастии); Не нагнать тебе бешеной тройки (Некрасов); Увяли они, не цвести им уж вновь (П. Герман) и т.п. Как бы ни решался вопрос об отражении русской ментальности в этих структурах, следует признать, что инфинитивное предложение – структура «ментально нагруженная», поэтому изучение ее в этнолингвистическом аспекте представляет несомненный интерес.

2. Этнолингвистический аспект. В своем этюде «Русский язык» (1992) А. Вежбицкая рассматривает «инфинитивные конструкции» в главе «Неконтролируемость» (или «неагентивность»), изображая дело так: «Английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, будто мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения. В русском языке тоже иногда сталкиваемся с подобным выражением смыслов должностования и невозможности, по-русски вполне допустимо, напр., сказать Я должен это сделать или Я не могу это сделать. Но не эти относительно редкие номинативно-субъектные высказывания определяют русскую речь, куда более типичны для нее конструкции с дательным падежом субъекта, в котором все ограничения и принуждения субъекта подаются в пациентивном модусе» [1, с. 354-355]. Никаких статистических подтверждений этому у А. Вежбицкой нет, поэтому замечания об «относительной редкости» номинативно-субъектных высказываний в русской речи оставим пока на совести автора и обратимся к тому, что, собственно, говорится об инфинитивных предложениях. Прежде всего, сообщается, что их «очень много» [1, с. 357] и со ссылкой на польских же исследователей (Богуславского и Коралека) наличие предложений с независимым инфинитивом провозглашается «одной из главных особенностей русского языка» [1, с. 358]. Одни из них «передают значение 'бесполезного хотения', другие – значение бессильного желания и неясного предчувствия, третьи – 'обязанности', четвертые говорят о бесплодных раскаяниях или сожалениях, пятые – о 'необходимости'» [1, с. 358]. «Бесплодные раскаяния» исследовательница оставляет в стороне (вероятно, испытывая «неясные предчувствия», что эти предложения никак не тянут на особый семантический тип) и далее анализирует четыре класса инфинитивных предложений в соответствии с четырьмя модальными значениями: 1) я хочу; 2) было бы хорошо/плохо; 3) мне следовало бы; 4) я обязан/должен.

Что следует заметить по поводу этой «классификации»?

Во-первых, во всех рассмотренных типах инфинитив выражает декларируемое Вежбицкой значение не самостоятельно, а с помощью раз-

личных модальных «подпорок»: отрицательных и вопросительных частиц, частицы бы, особой экспрессивной интонации, лексической семантики самого инфинитива.

Так, **1-й тип** «Я хочу» волшебным образом трансформируется у нее в «Я хочу, но не могу» или «То, чего я хочу, может не произойти». Понятно, что эти модальные значения выражаются уже не инфинитивной конструкцией самой по себе: а) значение «Кто-то не может сделать то, что хотел бы» выражается формулой «Отрицание + Инф. агентивн. + (Датив. человек.)» (здесь и далее все схемы – А. Вежбицкой): И собак тоже развели... ни пройти, ни проехать (Чехов); Не нагнать тебе бешеной тройки (Некрасов); Толь-ко вина нам не пить. Оно – в бочке. И пробка величиной с кулак (Окуджава); б) значение «То, чего я хочу, может не произойти» выражается особой экспрессивной интонацией: схема «Инф. + экспрессивная интонация»: Быть первым, вольно одиноким! И видеть, что близка мета, И слышать отзвуком далеким Удары ног и шелк хлыста! (Брюсов). Далее весь анализ сводится к «переводу» значений этих предложений с человеческого языка на «универсальный семантический»: «Я хочу это: X случится со мной; я знаю, что я не могу думать: 'если я хочу это, это случится'; по причине этого я что-то чувствую».

2-й тип («Было бы хорошо/плохо») выражает свое значение совместно с частицами бы, не и восклицательной интонацией: а) желание чего-то самому себе; схема «Инф. + бы + (Датив. человек.)»: Сейчас бы покурить (Окуджава); б) желание, направленное на другое лицо; схема «Датив. человек. + бы + Инф. + восклицат. интонац.»: Эх, Еленка, тебе бы в министрах быть! (Фурманов); в) опасение; схема «Отриц. + Инф. + бы + Датив. человек.»: Как бы не опоздать (Толстой); стакан бы не выронить (Довлатов).

3-й тип («Мне следовало бы») представлен двумя подтипами: а) «Текущие обязанности»; схема «(Ну) + Инф. агентивный + (Датив. человек.)»: Может быть, мне вернуться, товарищ младший лейтенант? (Окуджава); Ну, барин, обедать! (Толстой). Добавим от себя, что здесь обязательным элементом является вопросительная или побудительная интонация; б) «Не известно, что следует делать или как»; схема: «Q + (интонация специального вопроса) + Датив. человек. + Инф. агентивный»: Что мне было делать? Как подать ей помощь? (Пушкин); Не уйти ли? Не подождать ли еще? (Достоевский). А. Вежбицкая замечает, что «часто такие вопросы бывают риторическими и передают смысл вроде 'почему я должен?'» [там же: 363]: Может быть, все это хорошо; но мне-то зачем заботиться об учреждении пунктов медицинских, которыми я никогда не пользуюсь?.. (Толстой).

4-й тип («Мне необходимо») – единственный тип, где инфинитиву как будто бы не требуются никакие «помощники» для выражения декларируемого значения «насуточной

необходимо-сти». Схема: «(Датив. челоувеч.) + Инф. аген-тивн.». Обратимся, однако, к примерам, подобраным А. Вежбицкой: Пусть Аля не обижает-ся, что не пишу ей сегодня отдельно, сейчас купать Мура, готовиться к завтрашнему иждивению, мыть голову, писать Сереже письмо – так, до глубокой ночи. Сплю не больше пяти часов вот уже полгода (Цветаева); Мне ведь уез-жать... (Окуджава); Ты не пей много... Тебе машину вести (Окуджава). Сама Вежбицкая указывает, что обязательным условием выражения этого значения является агентивный характер инфинитива и обращает внимание на его близость к третьему типу: разница только в отсутствии определенных лексических (частица ну, вопросительные слова) и интонационных средств. Следовательно, мы можем говорить здесь о значимом их отсутствии и третий тип рассматривать как трансформацию четвертого в сторону ослабления категоричности предписания. Однако и сам четвертый тип имеет присвоенное ему А. Вежбицкой значение «насуточной необходимости» только в определенном лексическом наполнении. «Фатализм» и «неконтролируемость» улетучивается в том случае, если заменить «датив. челоувеч.» на «нечеловеч.»: Эту рыбку – коту съесть (= предназначена для ко-та); Завтра быть дождю (= будет дождь). Ни кот, ни дождь никому ничего не должны и не испытывают никакой «насуточной необходимости» делать что-то. Значит, конструкции приписано частное значение, которое реализуется у нее только в определенном лексическом наполнении.

Итак, заметим еще раз, что ни в одном из этих четырех случаев декларируемое А. Вежбицкой значение нельзя приписать инфинитивной конструкции как таковой, для его выражения инфинитиву обязательно требуются дополнительные лексико-грамматические средства. Не является исключением в этом отношении и четвертый случай, где декларируемое значение всецело зависит от лексического значения инфинитива и датива.

Во-вторых, последний тип как раз интересен тем, что заставляет поставить вопрос, в какой степени все эти значения, приписываемые русскому инфинитивному предложению, обусловлены лексической семантикой входящих в конструкцию слов, в том числе семантикой инфинитива, а в какой степени – семантикой грамматической. И здесь обнаруживается, что синтаксической структуре приписываемая Вежбицкой значения, которыми она (эта структура) не обладает. Например, в первом типе значение «То, чего я хочу, может не произойти» иллюстрируется примером из Брюсова: Быть первым, вольно-но одиноким! И видеть, что близка мета, И слышать отзвуком далеким Удары ног и щелк хлыста! Даже если согласиться с такой семантической интерпретацией данной фразы, то достаточно изменить лексическое наполнение той же схемы (по Вежбицкой, Инф. + экспрессивная интонация), и мы получим иной смысл: Лет до ста расти нам без старости.

Год от года рас-ти нашей бодрости. Славьте, мот и стих, землю молодости! (Маяковский) – здесь смысл «То, чего я хочу, обязательно произойдет».

Впрочем, и семантическая интерпретация примера из Брюсова представляется весьма субъективной (пример позаимствован Вежбицкой у А. М. Пешковского, что само по себе не возбраняется, но Пешковский урезал его в исследовательских целях). По смыслу стихов Брюсова, событие уже произошло: всадник еще не пришел к финишу, но он его уже видит и уже слышит далеко позади «удары ног» и «щелк хлыста»: Когда счастливцев на прямую Выходит, всех опередив, Я с ним победу торжествую, Его понятен мне порыв! Быть первым, вольно-одиноким! И видеть, что близка мета, И слышать отзвуком далеким Удары ног и щелк хлыста! Таким образом, описывается событие (отрыв от преследователей), которое уже случилось, а инфинитив понадобился поэту для выражения обобщенно-личного значения (= так происходит всегда и со всеми победителями).

Другой пример. Вопросительное предложение с вопросительным словом или с частицей ли попадают в рубрику «Не известно, что следует делать или как»: Не уйти ли? Не подождать ли еще? (Достоевский). Но стоит изменить порядок слов и интонацию – и получаем значение абсолютной уверенности: Нам ли стоять на месте?! В своих дерзаниях всегда мы правы (Марш энтузиастов).

Таким образом, А. Вежбицкой рассмотрены только те типы инфинитивных предложений, которые подтверждают высказанную ею концепцию. В стороне при этом остается целый пласт значений (императивное, целевое, оптативное и нек. др.), причем, такие, которые, при правильной интерпретации, могли бы стать ключевыми для понимания грамматической природы инфинитивного предложения.

В-третьих, главным методологическим пороком А. Вежбицкой следует признать строго синхронный подход к русским инфинитивным предложениям. Кстати сказать, воинствующий синхронизм характерен и для семантической школы Мельчука-Апресяна, выученицей которой является польская исследовательница. Между тем, изучать ментальность неисторически невозможно. В ее очерке весь «историзм» исчерпывался тенденциозно подобранными цитатами из Л. Толстого, Достоевского, Федотова, М. Горького и... Евтушенко. Петербургской этнолингвистической школе, напротив, свойствен последовательный историзм. О. А. Черепанова удачно назвала такую направленность исследований «ретроспективной этнолингвистикой» [4, с. 7-8]. В Московской этнолингвистической школе такой исторический подход к материалу связан с традицией, заложенной еще Ф. И. Буслаевым, и представленной в трудах Н. И. Толстого, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова и др.

3. Историко-генетический аспект. Если посмотреть на русское инфинитивное предложе-

ние с диахронической точки зрения, то прежде всего следует поставить вопрос об исходном значении инфинитива, происхождении инфинитивного предложения и внутренней форме этой синтаксической структуры. Надо признать, что этот вопрос до конца не решен, и даже простой не-критический обзор существующих точек зрения (Ф. И. Буслаева, Ф. Миклошича, А. А. Потебни, К. А. Тимофеева и др.) занял бы много места, поэтому ограничимся тремя принципиальными для нас замечаниями, важными в контексте обозначенной в статье проблемы.

1) **Об «изолированном» инфинитиве.** Вероятно, начинать рассмотрение инфинитивного предложения следует с такой структуры, в которой инфинитив выступает в максимально свободном положении – с изолированного инфинитива. В современном русском языке такие конструкции представляют собой преимущественно команды: Молчать! Сидеть! Не пицать! Построиться в шеренгу! Поднять флаг! Назовем его **инфинитивом предписания**. Эти предложения синонимичны определенно-личным предложениям с императивом. О синонимичности инфинитива и императива говорят такие случаи, когда обе формы употребляются как однородные в одном предложении (или в смежных предложениях): А сам **поди**, сейчас **прибери** хорошенько эту комнату. Там **поставить** кровать, **рукомойник** и прочее (Гоголь, Ревизор); Пошел, **скажи** карете, чтоб она ехала туда, где я сейчас был, и там **отдать** эту записку (Писемский, Тысяча душ); **Зажги** карсели, **канделябров** не **зажигать**; **убрать** комнаты, **накурить** духами (Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского).

Объяснение этой семантической близости инфинитива и императива может быть генетическим. Историки языка отмечают, что славянский императив по своему происхождению – форма индоевропейского оптатива (ср. с латинским конъюнктивом), т. е. не повелительное, а желательное наклонение. Поэтому древнерусскому языку нужна была форма, которая взяла бы на себя собственно императивное значение – значение категорического предписания. Для этой роли хорошо подходил инфинитив, по происхождению – застывшая форма дательного падежа имени на *-tī/ti*. Заметим, что параллельно в древнерусском языке существовала форма су-пина на *тъ (< tŭ)* – достигаемое наклонение, обозначавшее цель действия (Иду рыбы **ловить**) – застывшая форма винительного падежа. На каком-то этапе *тъ/ть* могли восприниматься как варианты одного форманта с чередованием *ь/ъ*.

То, что инфинитив был просто именем действия, изначально давало возможность вложить в эту форму любое модальное значение. В XIX веке ученые удачно, на наш взгляд, называли его «неопределенным наклонением». Независимый инфинитив в императивном значении, по наблюдениям А. А. Шахматова, встречается не только в русском языке, но и в греческом, немецком, ита-

льянском, древнефранцузском, что позволяет Шахматову считать эти предложения унаследованными из древнейшей эпохи [5, с. 82].

Инфинитив предписания встречается уже в древнейших русских памятниках, напр., в «Русской Правде»: На послушество холопа не складают; но оже не будетъ свободоного, то по ноужити **сложити** на боярьскаго тиуна, а на инѣхъ не **складывати**. А в малѣ таже по ноуже **сложити** на закоупа (РП, ст. 66); Оже который коупецъ, шедъ къдѣ любо с чюжими коунами, и истопиться, любо рать възьметъ любо ѡгнь, то не **насилити** емоу, ни **продати** его... зане же пагоуба ѡт бога есть, а не виновать есть (РП, ст. 54).

Попробуем разобраться, почему в предложениях такого типа оказался востребованным инфинитив, а не императив. Императив субъективен в том смысле, что он имеет личные формы, поэтому для выражения обобщенного должностования, адресованного всем, нужен инфинитив, который личных форм не имеет. Обратим внимание, что в «Русской Правде» инфинитивные предложения часто чередуются с неопределенно-личными. Ср. в приведенном выше примере: На послушество холопа не складают. Ср. также в «Домострое», по наблюдениям В. В. Ко-лесова, примерно $\frac{3}{4}$ всех безличных предложений составляют инфинитивные со значением предписания: А вина курити самому неотступно; А взятое отдати назад и т. п. [6, с. 444].

В современном русском языке А. А. Шахматов находит такие же предложения с инфинитивом предписания, в которых «выражается приказание, обращенное к неопределенным лицам, или вообще ко всякому, до кого оно касается»: Пушку осмотреть да хорошенько вычистить (Пушкин, Капитанская дочка); Вешать его! Сказал Пугачев (там же); Кликнуть его ко мне! (там же); Воротить, воротить его! (Гоголь, Ревизор); Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу (там же) [5, с. 83].

Таким образом, инфинитив предписания – удобная форма для тех случаев, когда нет необходимости называть производителя действия, и в этом его преимущество перед императивом.

2) **Об эллиптической природе инфинитивного предложения.** Почти во всех типах инфинитивных предложений (за исключением, может быть, императивных и оптативных) легко и без особых натяжек восстанавливается безлично-предикативное слово (безличный глагол или слово категории состояния), и независимый инфинитив превращается в зависимый (мне ехать – мне **следует** ехать; мне не уснуть – мне **невозможно** уснуть). Наличие подобных возможных параллелей наводит на мысль, что такое инфинитивное предложение может и не рассматриваться как самостоятельный тип и интерпретироваться как разновидность безличного с опущением безлично-предикативного слова (напр., возможна такая трансформация: не **подобаетъ** иному на престол дерзати > на престолѣ иному не дерза-

ти; не *надобе* ему ехати > ему не еха-ти); может опускаться и связка (а коли *будеть* ти на Орду послати > а коли ти на Орду посла-ти). Такая точка зрения высказывалась, и доста-точно давно. В XIX в. ее высказывал Ф. И. Буслаев. А. А. Потебня, хотя и критиковал его, но тоже видел эллиптическую природу инфинитивных предложений, усматривая в них предложения с опущенной связкой быть. При-мечательно, что и А. Вежбицкая начинает свой анализ не с собственно инфинитивных предло-жений, а с «инфинитивных конструкций с преди-катами необходимости и возможности». Так же поступает и академический исторический синтак-сис русского языка [7, с. 255-283].

Мы согласны с гипотезой эллиптической природы инфинитивных предложений (во всяком случае, их большинства), но предлагаем взгля-нуть на вопрос более широко, исходя из генези-са самой формы инфинитива (дательный падеж отглагольного имени). Форма косвенного падежа уже в силу самой своей природы не могла быть независимой, а это значит, что инфинитивные предложения могут быть поняты как результат обособления и изоля-ции инфинитива от некогда управлявшей им струк-туры. И это обособление шло двумя путями: а) пу-тем опущения господ-ствующего предикативного слова (завтра мне нужно ехать > завтра мне ехать); б) путем рас-пространения инфинитивной группы и ее отрыва от господствующего предложения: ср. в «Житии Феодосия Печерского» (Успенский сб. XII в.): Мати же его оставляше ... моляше и паки обла-читися в одежду свѣтлоу и тако исходити ему съ съвьръстники своими на игры – и современ-ное: Мать молила его, чтоб ему облачиться в чистую одежду и идти играть со сверстниками. Структуры второго типа активно развиваются уже ближе к Новому времени, когда язык стре-мится выразить смысл более эксплицитно, раз-вернуто и не эконо-мит на материале. Это, в от-личие от эллипсиса, уже черта книжного языка.

3) *Об инфинитиве долженствования.*

Выше мы уже заметили, что А. Вежбицкая в уго-ду своей тенденциозной концепции выбирает только определенные семантические типы инфи-нитивных предложений. Это, в частности, отно-сится к предложениям со значением должен-ствования: ему ехать; мне читать; брату сда-вать экзамен. Мы показали, что это значение ограничено только теми случаями, когда датив имеет значение лица («датив. человек.» у Веж-бицкой), а инфинитив обозначает «агентивное» действие. Однако это только частный случай более широкого значе-ния данной синтаксической структуры. Одна из важных особенностей инфи-нитива заключается в том, что он используется, когда нужно пред-ставить не просто желательное с точки зрения говорящего действие, а действие необходимое и неизбежное в данной ситуации, с неизбежно-стью наступающее – инфинитив *объективной неизбежности*: Быть дождю (= бу-дет дождь); Быть бычку на веревочке (= будет на веревочке);

Русскому флоту быть! (= флот будет). С отрицани-ем этот инфинитив обозначает *невозможность действия*: Времени не оста-новиться (= не мо-жет остановиться); Вам не ви-дать таких сраже-ний (= вы не увидите); Не про-жить нам в жизни этой без потерь (= невозмож-но прожить); И от осени не спрятаться, не скрыться (= невозможно спрятаться, скрыться). Можно заметить, что в этих предложениях объ-ектом может быть не только лицо (как в схеме Вежбицкой), но и неодушев-ленный предмет, и «природная стихия», поэтому значение объ-ективной неизбежности следует признать более широким, чем значение «насущ-ной необходимо-сти», выделенное Вежбицкой, а значит, его сле-дует признать и исходным, так как оно менее лексически обусловлено. Следует отметить также, что это значение очень близко к индикати-ву, и действие отнесено либо к плану будуще-го, либо к настоящему вневременному (настоя-щему символическому).

Возможны такие конструкции и в древнерус-ском языке. Все инфинитивные предложения в «Слове о полку Игореве» относятся именно к это-му типу: (1) Быти грому великому; (2) Итти дождю стрѣлами с Дону великаго; (3) Ту ся копи-емъ при-ламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы поло-вецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго; (4) А Игорева храбраго плѣку не крѣси-ти; (5) Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни ду-мою сдумати, ни очима съгля-дати, а злата и сре-бра ни мало того потрепа-ти; (6) Ни хытру, ни го-разду, ни птицю горазду суда божиа не минути; (7) О, стонати Руской земли; (8) Князю Игорю не быть; (9) Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ – мо-лодымъ пѣти. Характеризуя семантико-стилисти-ческую функцию инфинитивных предложений в этом па-мятнике, З. К. Тарланов пишет: «... с по-мощью инфинитивных предложений, встроенных в текст, мощная лирическая струя, столь отчетли-во вы-раженная в памятнике, <...> переводится в план объективированного, эпического повество-вания <...>. Таким образом, инфинитивные пред-ложе-ния служат в поэме целям обобщения, тем са-мым – объективирования повествования и при-дания ему эпической масштабности» [2, с. 255].

Возникает вопрос, почему в футуральном значении использован инфинитив. Во-первых, потому, что инфинитивная конструкция в сравне-нии с индикативной имеет дополнительный мо-дальный смысл неизбежности, неотвратимости (либо невозможности) действия. Во-вторых, этот тип предложений очень древний и уже вполне сформировался в ту эпоху, когда будущее вре-мя в древнерусском языке еще не оформилось в са-мостоятельную категорию. Как известно, в фор-мировании сложного будущего в древне-русском языке инфинитив принял самое активное участие. Первоначальная формула будущего времени – «модальный глагол в презенсе + ин-финитив»: хочу (иму) идти. И лишь позднее, на исходе Средневековья, модальный глагол заме-щается

связкой быть (буду идти). Получается, что разница между (завтра) идти дождю и (зав-тра) будет идти дождь – примерно та же, что между любым двусоставным и безличным пред-ложением.

Есть ли в этих инфинитивных предложениях значение «неконтролируемости» и «неподвластности человеческой воле и разумению»? Конечно, есть. Но важно подчеркнуть, что это **объективная** неподвластность. Не случайно А. Вежбицкая рассматривает только те структуры, где в функции «дательного субъекта» выступает **лицо**: мне идти, мне читать (долженствование – 4-й тип) и нам не понять друг друга (не-возможность – 1-й тип) – и совершенно игнорирует структуры, где в функции «дательного субъекта» выступает «неодушевленный предмет» или «природная стихия». Предложения такого типа подрывают концепцию исследовательницы. Поэтому прав все-таки З. К. Тарланов: главное в этих предложениях не «иррационализм» и «фатализм», а «объективизм».

Наличие предложений этого типа в русском языке свидетельствует о том, что русский синтаксис обладает большими объективирующими возможностями в сравнении с английским, поскольку русский синтаксис располагает средствами для передачи значения абсолютной неподконтрольности субъекту тех или иных действий и состояний, а английский синтаксис (если верить А. Вежбицкой) такими возможностями не располагает. Но ведь нельзя отрицать, что в жизни действительно есть ситуации, абсолютно неподвластные нашей воле. И получается, что русский синтаксис объективно отражает такое положение дел, а английский – «искажает» или, как пишет А. Вежбицкая, «в той или иной степени им пренебрегает» [1, с. 354]. К чему приводит такое «пренебрежение» в жизни, можно видеть на примере многих событий в нашем «жестоким мире»: язык формирует у носителей картину мира, создающую ощущение вседозволенности и безнаказанности. Но... Ни хитру, ни гораду... суда божия не минути!

4. Выводы. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать два вывода – общий и частный:

1) Чтобы составить объективное представление о русской языковой картине мира, нельзя ограничиваться двумя-тремя типами структур. Смысл рассмотренных А. Вежбицкой инфинитивных конструкций может быть правильно понят только при учете общего характера синтаксического строя русского языка и только с учетом связи морфологии и синтаксиса, с учетом генезиса морфологических форм и синтаксических структур.

2) Мы видим, что русское инфинитивное предложение способно выражать целую гамму значений, включая активное и пассивное. Форма инфинитива предоставляет носителям языка **большую возможность выбора** для выражения самых разнообразных смыслов, среди которых находят свое место и проанализированные А. Вежбицкой. Однако анализируемые А. Вежбицкой структуры

не только не являются доминирующими, а напротив, они тонут в богатстве форм, предоставляемых морфологией и синтаксисом русского языка для выражения любых смыслов в континууме от актива к пассиву. Поэтому следует, скорее, согласиться с давним оппонентом А. Вежбицкой З. К. Тарлановым в том, что доминирующими чертами русской ментальности являются не пассивность, неагентивность, фатализм и т. п., а «открытость, лояльность, чуждость эгоцентризма, ... устремленность к объективированию». И далее: «Агентивный и пациентивный типы предложения в русском синтаксисе естественно дополняют друг друга, обеспечивая говорящему свободу в выборе модуса, который он считает наиболее соответствующим собственным намерениям, предмету и конситуации речи» [3, с. 51-52].

Список литературы

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
 2. Тарланов З. К. Избр. работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. 784 с.
 3. Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении / З. К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 480 с.
 4. Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 331 с.
 5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
 6. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 512 с.
 7. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Боровско-го. М.: Наука, 1978. 448 с.
- References
1. Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 568 s.
 2. Tarlanov Z. K. Izbr. raboty po yazykoznaniiyu i filologii. Petrozavodsk: PetrGU, 2005. 784 s.
 3. Tarlanov Z. K. Universitetskiy kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii / Z. K. Tarlanov. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. 480 s.
 4. Cherepanova O. A. Kul'turnaya pamyat' v drevnem i novom slove. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 331 s.
 5. Shakhmatov A. A. Sintaksis russkogo yazyka. L.: Uchpedgiz, 1941. 620 s.
 6. Kolesov V. V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. SPb: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2008. 512 s.
 7. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoye predlozheniye / Pod red. V. I. Borkovskogo. M.: Nauka, 1978. 448 s.